

огороде. В деньгах, почете — постоянства нет. К чему тогда вся суета сует?!

39

Взойди на гору, посмотри окрест — Твой взгляд просторы мира не окинет. Но хладный иней падает с небес, Осенний ветер бродит по пустыне. Краса цветов уходит, как поток, Весь мир вещей плывет волной бегучей,

26

Таинственный исток наверх выносит Лазурный лотос, ярк и душист. Устлала воды лепестками осень, Зеленой дымкой ниспадает лист. Коль в пустоте живет очарованье, Кому повеет сладкий аромат? Вот я сижу и вижу — иней ранний Неотвратимо губит дивный сад. Все кончится, и не найдешь следов... Хотел бы жить я у Пруда Цветов!

Еще сияет солнце, но потом Угаснет в неостановимой туче. Платан обсижен стаей мелких птах, А Фениксам остался куст убогий... Ну, что ж, мечом постукивая в такт, Уйду я в горы... Так трудны дороги!

ся те мистические грезы, которые лишь слабо пробивались к сознанию в мире материальном. Он находится уже так высоко, что на лицо ложится облачная вуаль, но это не тучки как визуальные объекты неба, а сгустки духовной энергетики, окончательно дематериализующие поэта, впавшего в экстатическое состояние: можно сказать, что он не «поднялся», а «вознесся».

Земное и небесное у Ли Бо соединяются и в его фамилии Ли. Ее происхождение — царское, считалось, что поэт в родстве с императорами танской династии (618-906). Но и полужемной, полунебесный мифологизированный основатель даоской философии, вместе с конфуцианством сконструировавшей сознание китайца вплоть до нынешних дней, прозванный Лао-цзы («старый мудрец» или «старик-младенец», это